
Яна Крупец

Надежда Нартова

«ХУДОЙ ЗНАЧИТ НОРМАЛЬНЫЙ»: УПРАВЛЕНИЕ ТЕЛОМ В СРЕДЕ ГОРОДСКОЙ МОЛОДЕЖИ

Статья посвящена анализу телесной культуры современной городской молодежи, включающей в себя нормы, критерии оценивания и способы обращения со своим телом. Молодежь вовлечена в множество контекстов, в рамках которых регламентируется телесное производство, однако, молодые люди устанавливают конвенционально разделяемые внутри своей среды представления и практики относительно форм и размеров тела. Анализ качественных интервью показал, что среди городской образованной молодежи формируется весорефлексивная культура, элементами которой выступают: повседневный мониторинг тела, соотношение собственной оценки телесности с мнением окружающих, наличие специальных компетенций по управлению формой тела и гендерная нейтральность. Рефлексивное оценивание собственной внешности устанавливает нормализованное беспокойство и недовольство ею по причине несоответствия культурной норме «худого тела».

Ключевые слова: тело, весорефлексивная культура, телесное производство, молодежь, размер тела, биополитика, телесное управление

«Встречают по одежке...» – эта первая часть известной поговорки регулярно воспроизводилась молодыми петербуржцами, нашими ин-

Яна Николаевна Крупец – к. с. н., доцент кафедры социологии, заместитель директора Центра молодежных исследований, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Санкт-Петербург, Россия. Электронная почта: ykрупets@hse.ru

Надежда Андреевна Нартова – научный сотрудник Центра молодежных исследований, старший преподаватель кафедры социологии, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Санкт-Петербург, Россия. Электронная почта: nnartova@hse.ru

формантами, в ответ на вопрос о значимости для них собственного тела и тел окружающих. И даже если разговор переходил на «внутреннюю красоту» человека, его характер и поступки, важность телесного образа в восприятии себя и других сохранялась.

Роберт Кросно и Чандра Мюллер отмечали, что «социальные процессы могут работать, связывая физические параметры и нефизические результаты/эффекты» (Crosnoe, Muller 2004: 394). Именно эта взаимосвязь между физическим телом как конституирующей частью идентичности, его повседневным восприятием и контролем, а также определенной телесной культурой, сформированной в среде городской молодежи, является основным исследовательским фокусом. Наша задача понять, каким образом физические параметры тела интерпретируются молодежью, какое социальное значение приобретают они для молодых людей и как конституируют социальные взаимоотношения в молодежной городской среде в ситуации множественного и подчас противоречивого воздействия различных социальных институтов: массовой культуры, медицины, школы, семьи.

Эмпирическую базу для анализа составили 40 лейтмотивных полуструктурированных интервью с юношами и девушками в возрасте 15–20 лет и 25–30 лет, собранные в 2013 г. в Санкт-Петербурге. Возрастные группы были выбраны не случайно – мы посчитали, что относясь к «периоду молодости», каждая из когорт имеет и свою специфику. Так, 15–20 лет – период, характеризующийся выходом из подросткового возраста физиологических телесных изменений, активной культурной социализацией, связанной с началом профессионального образования, формированием молодежной референтной среды, освоением культурных телесных канонов и потребительских практик, выходом из-под родительской опеки и развитием навыков автономного контроля за телом. А 25–30 лет – период, связанный со становлением трудовых карьер и освоением требований к внешнему виду, предъявляемых в рамках профессиональной деятельности, накоплением культурных и социальных компетенций в обращении с телом. В этот же период формируется опыт семейных отношений, совместного проживания, деторождения, укрепляется финансовая автономность от родителей, что в том числе трансформирует индивидуальные практики контроля за телом. Изучение в рамках проекта двух возрастных групп позволяет проследить наличие или отсутствие общих характеристик телесной молодежной культуры.

Информанты представляют собой образованную молодежь (студенчество и молодых профессионалов), проживающую в столичном городе. Опираясь на социальные характеристики, включающие уровень образования, сферу деятельности, место проживания и занятость родителей (Здравомыслова и др. 2009), а также выявленные во время анализа отличия в телесном производстве исследуемой группы от учащихся ссузов (Омельченко, Нартова 2013), мы относим данную группу к «среднему

классу», принимая во внимание условность стратификационных категорий российского общества.

Несмотря на отличия в жизненном опыте, все информанты воспроизводят разделяемое представление о телесных нормах и практиках, что позволяет говорить о наличии конвенциональной телесной культуры. Мы признаем, что собранные данные не могут претендовать на репрезентативность. Однако как исследователи, стоящие на феминистских позициях и работающие в качественной методологии, считаем, что интерпретативные возможности социально-конструктивистской парадигмы и сенситивных методов исследования позволяют выделить, а, вернее, наметить маркеры телесной культуры, формирующиеся в среде образованной городской молодежи.

Телесное производство в молодежной среде: между само-рефлексивным проектом и принуждением

Обращение к исследованию тела и внешности стало более актуальным в последние десятилетия в связи с переходом западных обществ в состояние позднего модерна и интенсивным развитием общества потребления (Бауман 2008; Бодрийяр 2006; Giddens 1991; Featherstone 1991). Одной из характерных черт нового социального порядка является переопределение и усиление значения тела и телесности в социальных взаимодействиях и в организации повседневной жизни. Российские социологи Елена Ярская-Смирнова и Павел Романов подчеркивают, что современное общество сосредотачивается «на управлении, контроле, наблюдении за телами, где тело – это не только метафора социальной организации, но и поле социальных беспокойств, культурной и социальной политики» (Романов, Ярская-Смирнова 2011: 104).

Энтони Гидденс, исследуя тело и идентичность в позднем модерне, говорит, что работа над собственной внешностью становится наиболее важной в рамках создания себя в условиях высокой неопределенности жизни (Giddens 1991). Тело превращается в рефлексивный проект, требующий постоянного наблюдения и коррекции в соответствии с новыми стандартами, производимыми массмедиа в форме дискурса «одержимости собственным телом». Императивом общества потребления становится «совершенство» и идея о том, что нужно «хорошо выглядеть» и «иметь стройное красивое тело» (Frosh 1991). Забота о себе, прежде всего о своей внешности, и постоянный контроль тела, его формы и веса, самодисциплинирование превращаются в обязанность и вменяются потребителю в качестве нормы повседневного поведения.

Один из ключевых вопросов вокруг которого с 1990-х гг. строится академическая дискуссия – чем является телесное производство как часть конституирования собственной идентичности? Свободным саморефлек-

сивным проектом и способом справиться с растущей неопределенностью и все новыми рисками (Giddens 1991) или принуждением, отсутствием выбора в условиях навязываемого социального идеала «хорошей жизни», «красивого тела», невозможность достижения которого приводит лишь к еще большему кризису идентичности и к усилению чувства онтологической неуверенности (Featherstone 1991; May, Cooper 1995)?

Особый интерес в данном контексте вызывает молодежь, чья телесная культура формируется в ситуации множества дискурсов и противоречивых культурных «посланий» относительно веса, формы и размера тела (Frisco et al. 2010: 215). Современные исследователи ведут споры относительно трех значимых сред, влияющих на формирование молодежной телесной культуры: медиа, семьи и школьной культуры, включая группы сверстников.

В отношении медиа актуализируется вопрос об их роли и значении в производстве нормативности и телесных образцов в эпоху позднего модерна (McRobbie 1991). По мнению ряда западных исследователей, сегодня медиа массово воспроизводят стандарты и задают «норму» худого тела, которой необходимо следовать, в том числе и через конструирование «отклонений» и «патологий» (Warin 2010). Люди, оказывающиеся «несоответствующими» и выбивающимися из допустимых рамок (например, по весу), публично стигматизируются и маргинализируются. При этом риторика СМИ активно подкрепляется медицинским и психиатрическим дискурсами, репрезентирующими «ненормативные» практики обращения со своим телом в качестве патологии, болезни, зависимости (Ferreday 2012).

В то же время подобный доминирующий медийный дискурс не является тотальным – его принуждение нельзя рассматривать как прямое и однозначное (Haff 2009). Например, исследования в Финляндии показывают, что многие девушки способны критично воспринимать идеальные телевизионные образы и даже формировать «идеологию» сильной женщины, как человека, сопротивляющегося навязываемым образцам, и принимать себя такой, какая есть (Liimakka 2008).

Более того, медийное послание явно противоречит «реально наблюдаемым» телам, с которыми молодежь имеет дело в повседневной жизни. Исследователи отмечают значительный рост числа людей с увеличенным индексом массы тела (ИМТ) в европейских и североамериканских странах, в том числе среди подростков (Zajacova, Burgard 2010). Несмотря на усиление моральных паник вокруг лишнего веса, медико-социального конструирования «эпидемии ожирения» (Wright, Harwood 2009) и множественной объективации людей как «излишне толстых», так и «излишне худых» (Ferreday 2012; Warin 2010; Sobal, Maurer 1999), процент людей с «лишним» весом постоянно растет, соответственно, они становятся все более видимыми. Так, голландские ученые, завершившие масштабное национальное обследование, отмечали: доля людей, имеющих

индекс массы тела ниже нормы, среди опрошенных настолько мала, что не позволяет даже говорить о них в рамках исследования, в противоположность значительной доли людей с высоким ИМТ (Cornelisse-Vermaat et al. 2006).

Поскольку рекламные билборды и прохожие на улице во многом составляют противоречивые образы, исследователи обращают внимание на семью, являющуюся медиатором культуры. В семье производится толкование культурных кодов и формируются повседневные практики телесного производства (Минькова 2013; Нартова 2013; Liimakka 2008; Haworth-Ноеппнер 2000). Более того, именно семье современная био-власть делегирует ответственность за «правильную» телесную социализацию детей (Bugrows 2009). Однако наличие таких негативных факторов как насилие, алкоголизм, конфликты могут приводить детей к отличным от внутрисемейных способов проживания телесности. Набор веса или стремление к его потере исследователи связывают как с невозможностью подростка справиться с трудными ситуациями и неприятием себя, так и, наоборот, с попытками обрести контроль над своей жизнью и движением к автономности (Kowaleski-Jones, Christie-Mizell 2010; Haff 2009; Haworth-Ноеппнер 2000; Bailey 1991).

Однако молодежь связана не только с семейным окружением, но и со сверстниками. Молодежные сообщества могут задавать собственные стандарты телесного производства и презентаций, что особенно ярко видно в исследованиях субкультур (Hodkinson 2002; Pitts 1999). Ученые отмечают, что внешний вид является одним из существенных критериев допуска в школьные группы: от размера и формы тела зависит, будет ли подросток принят или окажется в аутсайдерах (Vilhjalmsson et al. 2012; Frost 2005). Исследования показывают, что среди американских школьниц, особенно «белых», стройность связывается с академической и социальной успешностью (Haff 2009). Подростки с высоким ИМТ демонстрируют более низкие показатели академической успеваемости, но они успешнее во внеучебной деятельности, поскольку вынуждены компенсировать свой проблематичный статус в школьном сообществе (Crosnoe, Muller 2004). Социологи отмечают, что если в 1990-е гг. на вершине школьной статусной иерархии были отличники – то теперь на ней находятся активные и спортивные учащиеся (Bugge 2010: 239). Устанавливаемые в школьном пространстве телесные нормы переопределяют повседневные практики, в том числе пищевые. Так, норвежские ученики все больше выбирают обеды со свежими овощами и воду, маргинализируя «пищевых девиантов», потребляющих фастфуд и сладкие газированные напитки (Bugge 2010). В то же время исследователи отмечают, что восприятие размера тела и способы управления им среди школьниц зависят от того, как обращаются с телом девушки со схожими телесными параметрами, а не от размеров «лидеров», занимающих доминирующее положение в школьном сообществе (Mueller et al. 2010). Однако ряд ученых указывают,

что способы телесного производства связаны не только с доминирующими культурными телесными нормами, но и с другими социальными контекстами. Так, по мнению исследователей, сама система школьного и университетского образования, с их интенсивностью, высокой конкурентностью и контролем могут приводить студентов к «расстройствам пищевого поведения» (Evans et al. 2004; Hesse-Biber et al. 1999).

Таким образом, направления социологической дискуссии указывают на то, что молодежь, с одной стороны, вовлечена во множество контекстов, в рамках которых регламентируется телесное производство, с другой стороны, может отвоевывать относительную автономность в интерпретации и управлении собственной телесностью. Более того, у молодых есть возможности устанавливать не индивидуальные, а разделяемые внутри своих сред представления и практики относительно форм и размеров тела, которые одновременно и воспроизводят, и переопределяют общекультурные коды.

Однако, изучение специально выделенных аспектов, таких как школьная культура или перцепция медиа, на наш взгляд, должно быть дополнено изучением общей телесной культуры, сформированной на уровне повседневных интерпретаций и рутинных действий. Особенно остро этот вопрос стоит в России, потому что российское общество находится в процессе интенсивного становления нового биополитического порядка, и идеология «правильного тела» (здорового, репродуктивного, выполняющего нормы ГТО) все более входит в нашу повседневную жизнь, все сильнее меняет привычные рутинизированные практики (питания, физических нагрузок, ухода за собой). Важно подчеркнуть, что даже при наличии жестких определяющих рамок, «люди понимают и оценивают, дисциплинируют и маркируют свои тела и тела других, исходя из опыта и знаний. ...» (Ярская-Смирнова, Романов 2013: 139), т.е. вольно или невольно трансформируют нормы, задаваемые культурой.

В этом контексте для нас важен поиск ответов на следующие исследовательские вопросы. Какая телесная культура формируется в среде городской молодежи в современной России? Каким образом осваивается тело (форма и размер): как (пере)определяются телесные нормы, способы их достижения, оценка и легитимация индивидуальных тел?

Телесная культура молодых горожан: рефлексия, беспокойство, компетентность

Современное общество конституирует доминирующие образы тела и способы обращения с ним. Однако на уровне повседневной жизни телесное производство может существенно отличаться в различных культурных, социально-экономических, возрастных и других средах. Проведенное исследование позволяет говорить о рождении специфического,

конвенционально разделяемого и поддерживаемого понимания телесности молодыми горожанами. Для шестнадцати- и двадцатидевятилетних характерен ряд общих интерпретаций, оценок и стратегий в отношении формы и размера тела. По результатам анализа качественных интервью мы можем сказать, что в среде российской городской образованной молодежи сегодня формируется весорефлексивная культура как широкий и разделяемый контекст понимания и проживания тела.

Предлагаемое нами понятие «весорефлексивная культура» основывается на концепции «девичьих весо-связанных культур» (girls' weight-related cultures), описывающих складывающиеся нормы телесности и способы контроля за телом внутри школьных сообществ (Mueller et al. 2010). Мы считаем, что у российской городской молодежи также формируется специфический вариант весо-связанной культуры, в которой наряду со смыслами и нормативными представлениями о размере и форме тела присутствует рефлексивность в качестве конституирующего элемента. Именно рефлексивность описывает характер связи между весом и телом.

Эмпирический материал показал, что выявленная весорефлексивная культура конституируется через ряд ключевых моментов. Во-первых, тело становится объектом повседневного рутинизированного мониторинга, во время которого оцениваются собственные размеры и формы. Во-вторых, рефлексия и формирование представлений о собственной телесности вовлекает оценивание других, сравнение себя с другими и получение внешней оценки с их стороны. Это не только взаимодействие «лицом к лицу» в рамках ближайшего социального окружения, но и включение в систему референции более широкого социального контекста: прохожих, незнакомцев, медийных звезд. Анализ собственной телесной состоятельности строится на соотнесении и взаимодействии с разнообразными другими. В-третьих, у молодежи формируется набор компетенций, связанных с контролем и производством желаемого тела. Владение и управление внешностью сопряжено с освоением знаний о создании и поддержании «правильной» телесности. Режимы питания, свойства продуктов, особенности их обработки, размер необходимой физической нагрузки и специальные упражнения для разных групп мышц становятся частью потребляемой и интериоризируемой информации. Данные компетенции требуют достижения: это знание, которое ищут, отслеживают, заучивают. Основным ресурсом получения информации является пространство интернета, изобилующее порталами и группами о здоровом образе жизни, правильном питании, фитнесе – управлению формой и размером тела в целом. Наконец, в-четвертых, весорефлексивная культура конституируется как гендерно нейтральная, что может противоречить «традиционным» выводам о гендерном дисбалансе в отношении требований, предъявляемым к женским и мужским телам в современном обществе. Несмотря на то что для многих ученых повседневная непрекращающаяся битва

за «красивое» «идеальное» тело интерпретируется, прежде всего, как реализация патриархального порядка, производящего женские тела в качестве объектов социального контроля и самоконтроля (Bordo 2003; Herworth 1999), когда живое женское тело репрезентируется в качестве «изначально нуждающегося в доработке» (Frost 2005), последние исследования показывают, что и мужская телесность включается в подобное дисциплинирование (Bell, McNaughton 2007). Наш анализ также продемонстрировал, что молодежная телесная культура вовлекает как девушек, так и юношей в рутинный мониторинг собственного тела, его оценку, обретение компетенции по управлению им.

Весорефлексивная культура, конституируемая через указанные элементы, задает общие ориентиры восприятия собственного тела и способы обращения с ним и приобретает ряд специфических проявлений в практике повседневной жизни молодежи в мегаполисе. А именно принуждая к постоянному оцениванию и мониторингу, вменяет молодым людям беспокойство относительно собственных размера и формы тела:

Когда вот я вижу, что я стал намного полнее, чем был, ну не прямо уж так намного, но все равно полнее, то да, я чувствую себя немножко дискомфортно. Все равно это изменения, уже что-то тяжелее (муж., 20 лет).

Поскольку телесный мониторинг становится рутинной повседневной практикой, предполагающей регулярные «размышления» о своем теле и оценку собственных переживаний, беспокойство также превращается в постоянное фоновое чувство и нормализуется: молодой человек постоянно «немножко» беспокоится о своем теле и «немножко» что-то предпринимает, чтобы поддерживать его в форме.

Такое нормализованное беспокойство тесно связано с другим проявлением весорефлексивной культуры – с постоянным недовольством собственной внешностью/телом. При этом важно отметить, что такое недовольство рассматривается как легитимная и обязательная часть опыта:

Подойдите к любой фотомодели, топ-модели и задайте ей этот вопрос [ты довольна своим телом?]. Какой ответ будет у неё? Такой же ответ будет у меня. Конечно, нет. Как бы опять-таки лишний вес есть, хочется выглядеть лучше, хочется покупать там какие-то другие шмотки, ещё что-то, чтобы выглядеть более, там, не знаю, симпатичней (муж., 25).

Удовлетворение или недовольство своим телом также являются рефлексивным и артикулированным опытом. Юноши и девушки, участвовавшие в исследовании, свободно и быстро высказывались о своем теле и могли его оценить, не испытывая содержательных или эмоциональных затруднений. Более того, при вербальной рефлексии молодежь часто производила осознанную фрагментацию собственной телесности, выделяя «удовлетворяющие» и «неудовлетворяющие» части:

О: ... Не нравятся ноги, ноги не нравятся, а так все устраивает, наверное. И руки.

В: А что ноги?

О: Короткие и немного кривоватые, пальцы немного короткие и толстые. А так как-то нейтрально отношусь. Воспринимаю себя (жен., 15 лет).

Подобное восприятие не влечет порнографической (Денищик 2007) или шизофренической (Подорога 1995) фрагментации тела, а предполагает специальную работу с отдельными «частями» (скрыть/подчеркнуть; подкачать/подтянуть): *«Я старюсь, чтобы живот не обтягивающий такой был, чтобы там не было видно то, что там живот, пузо там»* (муж., 25 лет). Телесное беспокойство и недовольство устанавливаются как нормализованная, легитимная, и в каком-то смысле, обязательная часть опыта, что приводит к разделению тела на удовлетворяющие/неудовлетворяющие части, с которыми проводится специальная работа по корректировке или демонстрации, для достижения целостного образа соответствующего нормативной модели.

Анализ интервью показал, что «худоба» является ключевым удовлетворяющим или желаемым телесным «размером» для молодежи в Санкт-Петербурге:

В: Угу, а что тебе особенно нравится в себе?

О: То, что я худой (муж., 20 лет).

При этом важной особенностью является то, что статус «худого» присваивается и поддерживается другими. Если маркирование себя «толстым» может основываться только на внутреннем переживании собственной телесности, то «худоба» должна быть подтверждена внешними оценками:

Ну, в основном, они либо молчат, либо говорят, какая я худая: «Наташа, какая ты худая». Моя одноклассница меня очень порадовала, мы встретились, она сказала, что я очень хорошо выгляжу, похудевшая, даже слишком. Но хорошо. Мне это понравилось (жен., 19 лет).

Такая нормативная «худоба», укорененная в социальных взаимоотношениях и тесно связанная с социальным статусом молодого человека в референтном для него сообществе, формирует «полноту» как основной страх телесных изменений:

О: А каких изменений в своем теле ты боишься больше всего?

В: Наверное, потолстеть <...> Ну, потолстеть так, чтобы у меня было пузо, чтобы были большие толстые ноги и щеки (муж., 19 лет).

Но если верхние границы «нормы» определяются информантами достаточно легко, как нечто «очевидное»/видимое (например, по одежде),

и возможность «стать толстым» оценивается однозначно негативно, то нижние границы «худобы» плохо определены и не столь очевидны. Для юношей и девушек возможная социомедицинская патологизация «излишне» худого тела компенсируется его соответствием разделяемому культурному канону:

Я считаю, что лучше быть худой, но с маленькими сиськами, чем жирной, но с большой грудью. Потому что большая грудь – это тот же самый жир (жен., 25 лет).

Можно сказать, что в среде городской образованной молодежи среднего класса конструируется телесная норма в логике «худой значит нормальный». При этом у молодых формируется набор компетенций по управлению своим весом, которые потенциально должны привести к желаемой «худобе» – знание о правилах питания, физических нагрузках, пищевой ценности продуктов:

Я пыталась понять, может быть, что я делаю неправильно, в чем моя ошибка, и потом я поняла, что когда ты хочешь похудеть, ты должен кушать больше – кушать меньше. В плане – больше количество, меньше объемов и... ты должен не просто... ну мыслить этими категориями, ты должен еще мыслить какой это состав, больше двигаться... очень много все накладывается на тебя (жен., 20 лет).

Однако наличие таких компетенций в большинстве случаев не приводит к формированию устойчивых практик «здорового образа жизни», а остается на уровне представлений (знаний):

... мы жили рядом с парком: «Всё, будем бегать! Будем бегать». На этом всё и закончилось. «Будем бегать» – и всё. Только я ни разу даже не сходила побегать (жен., 20 лет).

Ключевыми повседневными способами достижения желаемого телесного размера являются ограничения в еде и самостоятельные, преимущественно нерегулярные, физические нагрузки. Непосредственное же «похудение» в основном является «экстренной» стратегией, направленной на «быстрое» достижение желаемого размера и формы в ситуации их реальной или воображаемой утраты/срочной необходимости: *«Но тоже, если я знаю, что я завтра пойду в обтягивающем платье, то я с вечера не ем»* (жен., 19 лет).

Таким образом, мы считаем, что сегодня можно говорить о формировании весорефлексивной культуры в среде образованной городской молодежи как о специфическом конвенциональном «гендерно нейтральном» дискурсе нормативной телесности, который непротиворечиво интегрирует идеалы худого тела с повседневным мониторингом собственного тела, навыками реконфигурации и компетенциями по работе с ним, не вызывая при этом тотального вовлечения в фитнес-практики и диеты.

Заключение

В предлагаемой статье мы пытались понять, как телесная культура формируется в среде городской молодежи, каким образом осваивается тело (форма и размер): как (пере)определяются телесные нормы, способы их достижения, оценка и легитимация индивидуальных тел. Анализ эмпирического материала показал, что в среде образованной городской молодежи формируется весорефлексивная культура, связанная с повседневным мониторингом формы и размера тела. Рефлексивное оценивание тела устанавливает нормализованное беспокойство, востребующее модификацию и реконфигурацию частей тела для создания относительно целостного образа, соответствующего культурной норме «худого тела». Артикуляция худобы как нормативной телесной модели приводит к формированию страха полноты и размыванию нижних границ «нормы». Рутинизированный мониторинг формы и размера тела включает обретение компетенций по производству и управлению им. Однако сами действия, направленные на изменение формы или размера, носят ситуативный экстренный характер.

Современная российская биополитика, ориентированная, в первую очередь, на регуляцию и контроль трудовых, репродуктивных и милитаристских ресурсов молодых тел, дополняется мягкими формами управления, что Валери Харвуд и Жан Райт (Harwood, Wright 2009) называют биопедагогикой и витальной политикой. Посредством медиа (ток-шоу, интернет-группы, кино, музыка) транслируются определенные способы обращения с телом. И несмотря на то, что борьба с ожирением не является актуальным вопросом российской системы здравоохранения и социальной политики, на уровне массовой культуры наблюдается усиление внимания к повседневным способам контроля за телом и проблематизации лишнего веса. Более того, телесное производство не изолировано в рамках национального культурного порядка, а вписано в широкий контекст транснациональных рынков, медиа, политик. Молодежь опосредует глобальные образцы и формирует собственную весорефлексивную культуру телесного производства, зачастую более принудительную и оказывающую жесткое влияние на индивидуальные выборы и интерпретации, чем государственная биополитика.

Выражения благодарности

Статья подготовлена в рамках проекта Центра молодежных исследований НИУ ВШЭ – Санкт-Петербург «Размер имеет значение: стратегии контроля и управления телом в среде городской молодежи». Данное научное исследование (проект № 13–05–0038) выполнено при поддержке Программы «Научный фонд НИУ ВШЭ» в 2013 г.

Список источников

- Бауман З. *Текущая современность*. Санкт-Петербург: Питер, 2008.
- Бодрийяр Ж. *Общество потребления. Его мифы и структуры*. М.: Культурная революция, Республика, 2006.
- Денищик А. Насилие как аксиома: Реальное и Воображаемое порнографии // А. Р. Усманова (ред.) *Визуальное (как) насилие*. Сборник научных трудов. Вильнюс: ЕГУ, 2007: 226–236.
- Здравомыслова Е., Роткирх А., Темкина А. Введение. Создание приватности как сферы заботы, любви и наемного труда // Е. Здравомыслова, А. Темкина (ред.) *Новый быт в современной России: гендерные исследования повседневности*. СПб: Изд-во ЕУСПБ, 2009: 7–30.
- Минькова А. Пищевые практики российской молодежи: почему фастфуду пока не удалось победить домашнюю кухню // Е. Омельченко, Н. Нартова (ред.) *ПРО тело. Молодежный контекст*. Сб. статей. Санкт-Петербург: Алетейя, 2013: 205–236.
- Нартова Н. Как корабль назовешь, так он и поплывет: тело здоровья/болезни в молодежной повседневности // Е. Омельченко, Н. Нартова (ред.) *ПРО тело. Молодежный контекст*. Сб. статей. СПб.: Алетейя, 2013: 179–204.
- Омельченко Е., Нартова Н. (ред.) *ПРО тело. Молодежный контекст*. Сб. статей. Санкт-Петербург: Алетейя, 2013.
- Подорога В. А. *Феноменология тела*. М.: Ad Marginem, 1995.
- Романов П., Ярская-Смирнова Е. Образ власти и власть образа. Большое тело в культуре // *Теория моды: одежда, тело, культура*. 2011. (18): 91–116.
- Ярская-Смирнова Е., Романов П. Границы тела: биовласть публичной анатомии // *Теория моды: одежда, тело, культура*. 2013. (30): 137–159.
- Bailey C. A. Family Structure and Eating Disorders: The Family Environment Scale and Bulimic-Like Symptoms // *Youth and Society*. 1991. 23 (2): 251–272.
- Bell K., McNaughton D. Feminism and the Invisible Fat Man // *Body & Society*. 2007. 13 (1): 107–131.
- Bordo S. *Unbearable Weight*. Berkeley, CA: University of California Press, 2003.
- Bugge A. B. Young People's School Food Styles: Naughty or Nice? // *Young*. 2010. 18 (2): 23–243.
- Burrows L. Pedagogizing Families through Obesity Discourse // J. Wright, V. Harwood (eds.) *Biopolitics and the "Obesity Epidemic" Governing Bodies*. NY.: Routledge, 2009: 127–141.
- Cornelisse-Vermaat J.R., Antonides G, Van Ophem J.A.C., Van Den Brink H.M. Body Mass Index, Perceived Health, and Happiness: Their Determinants and Structural Relationships // *Social Indicators Research*. 2006. 79 (1): 143–158.
- Crosnoe R., Muller C. Body Mass Index, Academic Achievement, and School Context: Examining the Educational Experiences of Adolescents at Risk of Obesity // *Journal of Health and Social Behavior*. 2004. 45 (4): 393–407.
- Evans J., Rich E., Holroyd R. Disordered Eating and Disordered Schooling: What Schools Do to Middle Class Girls // *British Journal of Sociology of Education*. 2004. 25 (2): 123–142.
- Featherstone M. The Body in Consumer Culture // Featherstone M., Hepworth M. and Turner B. (eds.) *The Body, Social Process and Cultural Theory*. London: Sage, 1991: 170–198.

- Ferreday D. Anorexia and Abjection: A Review Essay // *Body & Society*. 2012. 18 (2): 139–155.
- Frisco M. L., Houle J. N. and Martin M. A. The Image in the Mirror and the Number on the Scale: Weight, Weight Perceptions, and Adolescent Depressive Symptoms // *Journal of Health and Social Behavior*. 2010. 51 (2): 215–228.
- Frosh S. *Identity Crisis: Modernity, Psychoanalysis and the Self*. Basingstoke: Macmillan, 1991.
- Frost L. Theorizing the Young Woman in the Body // *Body & Society*. 2005. 11 (1): 63–85.
- Giddens A. *Modernity and Self-identity: Self and Society in the Late Modern Age*. Cambridge: Polity Press, 1991.
- Haff D. R. Racial/Ethnic Differences in Weight Perceptions and Weight Control Behaviors Among Adolescent Females // *Youth and Society*. 2009. 41 (2): 278–301.
- Haworth-Hoepfner S. The Critical Shapes of Body Image: The Role of Culture and Family in the Production of Eating Disorders // *Journal of Marriage and Family*. 2000. 62 (1): 212–227.
- Hepworth J. *The Social Construction of Anorexia Nervosa*. London: Sage, 1999.
- Hesse-Biber S., Marino M., Watts-Roy D. A Longitudinal Study of Eating Disorders among College Women: Factors That Influence Recovery // *Gender and Society*. 1999. 13 (3): 385–408.
- Hodkinson P. *Goth. Identity, Style and Subculture*. London: Berg Publishers, 2002.
- Kowaleski-Jones L., Christie-Mizell C. A. Depressed Mood and Body Weight: Exploring Race Differences in Adolescence // *Youth and Society*. 2010. 41. (4): 503–518.
- Liimakka S. The Influence of Cultural Images and Other People on Young Women's Embodied Agency // *Young*. 2008. 6 (2): 131–152.
- May C., Cooper A. Personal Identity and Social Change: Some Theoretical Considerations // *Acta Sociologica*. 1995. 38 (1): 75–85.
- McRobbie A. *Feminism and Youth Culture: From «Jackie» to «Just Seventeen»*. London: Macmillan, 1991.
- Mueller A. S., Pearson J., Muller C., Frank K., Turner A. Sizing up Peers: Adolescent Girls' Weight Control and Social Comparison in the School Context // *Journal of Health and Social Behavior*. 2010. 51 (1): 64–78.
- Pitts V. Body Modification, Self-mutilation and Agency in Media Accounts of a Subculture // *Body & Society*. 1999. 5. (2–3): 291–303.
- Sobal J., Maurer D. (eds.) *Weighty Issues: Fatness and Thinness as Social Problems*. NY.: Aldine De Gruyter, 1999.
- Vilhjalmsson R., Kristjansdottir G., Ward D. S. Bodily Deviations and Body Image in Adolescence // *Youth and Society*. 2012. 44. (3): 366–384.
- Warin M. *Abject Relations: Everyday Worlds of Anorexia*. Piscataway, NJ: Rutgers University Press, 2010.
- Wright J., Harwood V. (eds.) *Biopolitics and the «obesity epidemic». Governing bodies*. NY.: Routledge, 2009.
- Zajacova A., Burgard S. A. Body Weight and Health from Early to Mid-Adulthood: a Longitudinal Analysis // *Journal of Health and Social Behavior*. 2010. 51 (1): 92–107.

WEIGHT-REFLEXIVE CULTURE AND NORMALIZED CORPOREAL ANXIETY AMONG URBAN YOUTH

Yana Krupets

Nadya Nartova

This paper analyzes the corporeal culture of modern urban youth. This includes the standards, criteria and evaluation methods utilized when dealing with the body. Contemporary youth is involved in many contexts that regulate their bodily production: the media, their family, school and peer group. However, within this environment young people produce conventional shared representations and practices regarding bodily shapes and sizes, which both reproduce and override the general cultural codes. This study provides an analysis of qualitative interviews with 40 young people aged 16 to 29 years old, living in St. Petersburg. The results demonstrate that among urban educated youth, a weight-reflexive culture has emerged. Its constitutive elements are the routinized everyday monitoring of young people's body, regular self-evaluation of one's own body, an evaluation of assessments made on it by other people, the use of special competences to manage the size and the shape of the body and gender neutrality. Reflexive corporeal assessment produces normalized anxiety and discontent due to one's own body, which corresponds to cultural norms regarding the "slim" body.

Keywords: body, weight-reflexive culture, body production, youth, body size

References

- Bailey C. A. (1991) Family Structure and Eating Disorders: The Family Environment Scale and Bulimic-Like Symptoms. *Youth and Society*, 23 (2): 251–272.
- Baudrillard J. (2006) *Obshestvo potrebleniya. Ego mify I struktury* [The Consumer Society: Myths and Structures], Moscow: Kulturnaya revoliutsiya.
- Bauman Z. (2008) *Tekuchaya sovremennost'* [Liquid Modernity], St. Petersburg: Piter.
- Bell K., McNaughton D. (2007) Feminism and the Invisible Fat Man. *Body & Society*, 13 (1): 107–131.
- Bordo S. (2003) *Unbearable Weight*, Berkeley, CA: University of California Press, 2003.
- Bugge A. B. (2010) Young People's School Food Styles: Naughty or Nice? *Young*, 18 (2): 223–243.

Yana N. Krupets – Candidate of Sociology, Docent at Sociology Department, vice-head at the Centre for Youth Studies, National Research University Higher School of Economics, St. Petersburg, Russian Federation. Email: ykrupets@hse.ru

Nadya A. Nartova – Research fellow at the Centre for Youth Studies, Lecturer at Sociology Department, National Research University Higher School of Economics, St. Petersburg, Russian Federation. Email: nnartova@hse.ru

- Burrows L. (2009) Pedagogizing Families through Obesity Discourse. J. Wright, V. Harwood (eds.) *Biopolitics and the "Obesity Epidemic" Governing Bodies*, New York: Routledge: 127–141.
- Cornelisse-Vermaat J.R., Antonides G, Van Ophem J.A.C., Van Den Brink H.M. (2006) Body Mass Index, Perceived Health, and Happiness: Their Determinants and Structural Relationships. *Social Indicators Research*, 79 (1): 143–158.
- Crosnoe R., Muller C. (2004) Body Mass Index, Academic Achievement, and School Context: Examining the Educational Experiences of Adolescents at Risk of Obesity. *Journal of Health and Social Behavior*, 45 (4): 393–407.
- Denishchik A. (2007) Nasilie kak aksioma: Real'noe i voobrazhaemoe pornografii [The Violence as Axiom: the Real and the Imaginary in Pornography]. A. R. Usmanova (red.) *Vizual'noe (kak) nasilie. Sbornik nauchnykh trudov* [Visual (as) Violence. Collection of Papers], Vilnius: EGU: 226–236.
- Evans J., Rich E., Holroyd R. (2004) Disordered Eating and Disordered Schooling: What Schools Do to Middle Class Girls. *British Journal of Sociology of Education*, 25 (2): 123–142.
- Featherstone M. (1991) The Body in Consumer Culture. Featherstone M., Hepworth M. and Turner B. (eds.) *The Body, Social Process and Cultural Theory*, London: Sage: 170–198.
- Ferreday D. (2012) Anorexia and Abjection: A Review Essay. *Body & Society*, 18 (2): 139–155.
- Frisco M.L., Houle J.N. and Martin M.A. (2010) The Image in the Mirror and the Number on the Scale: Weight, Weight Perceptions, and Adolescent Depressive Symptoms. *Journal of Health and Social Behavior*, 51 (2): 215–228.
- Frosh S. (1991) *Identity Crisis: Modernity, Psychoanalysis and the Self*, Basingstoke: Macmillan.
- Frost L. (2005) Theorizing the Young Woman in the Body. *Body & Society*, 11 (1): 63–85.
- Giddens A. (1991) *Modernity and Self-identity: Self and Society in the Late Modern Age*, Cambridge: Polity Press.
- Haff D.R. (2009) Racial/Ethnic Differences in Weight Perceptions and Weight Control Behaviors Among Adolescent Females. *Youth and Society*, 41 (2): 278–301.
- Haworth-Hoepfner S. (2000) The Critical Shapes of Body Image: The Role of Culture and Family in the Production of Eating Disorders. *Journal of Marriage and Family*, 62 (1): 212–227.
- Hepworth J. (1999) *The Social Construction of Anorexia Nervosa*, London: Sage.
- Hesse-Biber S., Marino M., Watts-Roy D. (1999) A Longitudinal Study of Eating Disorders among College Women: Factors That Influence Recovery. *Gender and Society*, 13 (3): 385–408.
- Hodkinson P. (2002) *Goth. Identity, Style and Subculture*, London: Berg Publishers.
- Kowaleski-Jones L., Christie-Mizell C.A. (2010) Depressed Mood and Body Weight: Exploring Race Differences in Adolescence. *Youth and Society*, 41. (4): 503–518.
- Liimakka S. (2008) The Influence of Cultural Images and Other People on Young Women's Embodied Agency. *Young*, 6 (2): 131–152.
- May C., Cooper A. (1995) Personal Identity and Social Change: Some Theoretical Considerations. *Acta Sociologica*, 38 (1): 75–85.
- McRobbie A. (1991) *Feminism and Youth Culture: From "Jackie" to "Just Seventeen"*, London: Macmillan.

- Minkova A. (2013) Pishchevyye praktiki rossiyskoy molodezhi: pochemu fastfudu poka ne udalos pobedit domashnyuyu kukhnyu [Eating Practices of Russian Youth: Why Fast-food Cannot Beat Home Cookery]. E. Omelchenko, N. Nartova (red.) *PRO telo. Molodezhnyy kontekst. Sb. statey* [PRO Body. Youth Context. Collection of Papers], St. Petersburg: Aleteyya: 205–236.
- Mueller A.S, Pearson J., Muller C., Frank K., Turner A. (2010) Sizing up Peers: Adolescent Girls' Weight Control and Social Comparison in the School Context. *Journal of Health and Social Behavior*, 51 (1): 64–78.
- Nartova N. (2013) Kak korabl nazovesh, tak on i poplyvet: telo zdorovya/bolezni v molodezhnoy povsednevnosti [You Reap What You Sow: the Body of Health/Illness in the Everyday Life of Youth]. E. Omelchenko, N. Nartova (red.) *PRO telo. Molodezhnyy kontekst. Sb. statey* [PRO Body. Youth Context. Collection of Papers], St. Petersburg: Aleteyya: 179–204.
- Omelchenko E., Nartova N. (eds.) (2013) *PRO telo. Molodezhnyy kontekst. Sb. statey* [PRO Body. Youth Context. Collection of Papers], St. Petersburg: Aleteyya.
- Pitts V. (1999) Body Modification, Self-mutilation and Agency in Media Accounts of a Subculture. *Body & Society*, 5 (2–3): 291–303.
- Podoroga V. A. (1995) *Fenomenologiya tela* [Phenomenology of the Body], Moscow: Ad Marginem.
- Romanov P., Yarskaya-Smirnova E. (2011) Obraz vlasti i vlast obraza. Bolnoe telo v kulture [Representation of Power and the Power of Representation. The Sick Body in Culture]. *Teoriya mody: odezhd, telo, kultura* [Theory of the Fashion: Clothes, Body, Culture], (18): 1–116.
- Sobal J., Maurer D. (eds.) (1999) *Weighty Issues: Fatness and Thinness as Social Problems*, New York: Aldine De Gruyter.
- Vilhjalmsson R., Kristjansdottir G., Ward D. S. (2012) Bodily Deviations and Body Image in Adolescence. *Youth and Society*, 44. (3): 366–384.
- Warin M. (2010) *Abject Relations: Everyday Worlds of Anorexia*, Piscataway, NJ: Rutgers University Press.
- Wright J., Harwood V. (eds.) (2009) Biopolitics and the "Obesity Epidemic". *Governing bodies*, New York: Routledge.
- Yarskaya-Smirnova E., Romanov P. (2013) Granitsyi tela: biovladst publichnoy anatomii [Borders of the Body: Bio-Power of Public Anatomy]. *Teoriya mody: odezhd, telo, kultura* [Theory of the Fashion: Clothes, Body, Culture], (30): 137–159.
- Zajacova A., Burgard S. A. (2010) Body Weight and Health from Early to Mid-Adulthood: A Longitudinal Analysis. *Journal of Health and Social Behavior*, 51 (1): 92–107.
- Zdravomyslova E., Rotkirh A., Temkina A. (2009) Vvedenie. Sozdanie privatnosti kak sfery zaboty, lubvi i naemnogo truda [Introduction. The Creation of Privacy as a Domain of Care, Love and Wage Labor]. E. Zdravomyslova, A. Temkina (red.) *Novy byt v sovremennoj Rossii: gendernye issledovaniya povsednevnosti* [New Household Activities in Contemporary Russia: Gender Studies of Everyday Life], St. Petersburg: EUSP Press: 7–30.